

ВЛАДИМИР
РАДКЕВИЧ

Под
звездами

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 6 4

ВЛАДИМИР
РАДКЕВИЧ

Под звездами

ВЛАДИМИР
РАДКЕВИЧ

Под звездами

ЛИРИКА

● ПЕРМСКОЕ
● КНИЖНОЕ
● ИЗДАТЕЛЬСТВО
● 1 9 6 4

О МОЛОДОСТИ

- Молодость
сочтя за преимущество,
только ей,
как божеству, кадим.
Надобно особенное мужество,
чтоб не оставаться
молодым.
За случайность дел
и мнений ложных,
за чужую тайную беду,
жизнь, прости...
Я старый твой
заложник.
Был тобой, Земля.
К тебе иду.
-

Я должен долго-долго жить на свете,
Чтобы узнать
    не то, кто там живет,
А как живут...
Вот мне на что ответьте!

В УТРЕННЕЙ ЭЛЕКТРИЧКЕ

- Она сидела в электричке
Совсем одна среди парней.
Младенца розовое личико,
Как к солнышку, тянулось к ней.

И в мире том, что нам неведом,
Для малыша недель шести
Являлась мать Землею, хлебом,
Началом Млечного Пути.

Гордясь, она и не скрывала
Своей судьбы, своей красоты
И лишь платочком прикрывала
Отягощенные сосцы.

Была расстегнута спецовка.
Белело тельное белье.
Но с целомудрием отцовства
Взирали парни на нее.

Шутили: — Эх и работенка!
— Дает парнишка за двоих!
Потом притихшего ребенка
Взял на руки один из них.

Ребенок спал под стук колесный
И до поры не понимал,
Что на него, как старый крестный,
В окно поглядывал Урал —

Вздыхал, в огнях мартенов грелся
И ранним небом голубел.
И голубой вагон на рельсах
Качался, словно колыбель.

ОТ НАС УХОДЯТ СТАРШИЕ

Памяти К. В. Рождественской

■ От нас
        уходят старшие,
безвременно почившие —
        частицей нашей
                ставшие,
работать нас учившие.
Их сердце
        остановится,
а нам —
        трудней становится
без очень нежной
                хмурости,
без очень нужной
                мудрости.
И все-таки
        прислушайся:
Земля, как прежде,
        вертится.
В их светлое присутствие
мне почему-то
        верится.
Не верю
        слуху вздорному,
что вот — пришел конец.

Нет, просто
        сердце взорвано
на тысячи сердец,
и новые
        галактики
от взрыва образуются.
И это —
        в их характере,
в посмертной
        их разумности.
Что создано —
        не рушится.
И крепнет
        в нас самих
скорбное содружество
мертвых и живых.

Для сына я —
        сильнее всех на свете,
и это справедливо до поры.
Пусть долго верят
                        маленькие дети,
что взрослые
                        всесильны и добры.
Но мучит
        преждевременная память
о том мгновенье призрачного дня,
когда на сына
                        будет небо падать,
а он —
        с упреком взглянет на меня.

И Д О Л

Пермяцкая легенда

Он глаза приоткрыл.

И, уже неживой,

Вдруг увидел себя над рекою Кувой,

Где сполох над тайгою

загадочно вспыхивал

В том краю,

о котором он слыхом не слыхивал!

Билась в скулы

холодная снежная крупка.

Не дымилась

всемирно известная трубка.

Он хотел приподнять воротник у шинели,

Но тяжелые руки

окаменели.

Захотелось в тепло

к огонькам у дороги.

Но вросли в пьедестал

неподвижные ноги.

Он угрюмо подумал:

«А все-таки странно.

Почему без приказа отлучилась охрана?»

Рядом с ним

пробуждалась пермяцкая парма.

В детский сад ребяташки
шагали попарно.
Лесорубы валили столетние ели —
Слишком громко смеялись,
слишком радостно пели.
И порхали
над самой фуражкой
синицы,
Не боясь мановенья тяжелой десницы.
И он с ужасом понял,
он увидел, увидел,
Что он вовсе не вождь,
а лишь каменный идол,
Мертвый идол,
скульптура, над страхом надгробье —
Лишь себя самого неживое подобье!
И случилось такое,
что — неслыханной крепости —
Даже камень не выдержал
и рассыпался вдребезги
От последней посмертной тоски
и отчаянья,
А скорее — от вынужденного молчания...
Но мечтают жрецы
по ночам, втихомолку,
снова идол собрать —
по частям, по осколку —
И воздвигнуть его в разукрашенном капище,
И воздать ему новые жертвы —
да как еще!
Вот и бродят в потемках
путями окольными,
Ни весна и ни солнце
не нужны им нисколько...

ОРЕХИ

- Он приходил под вечер, в сумерки,
Шепча, что надо в земотдел.
И, в городской измаян сутолоке,
Неслышно в кухоньке сидел.

Нам было скучно с ним, молчальником,
На нас взиравшим со скамьи, —
С отцом отца, родоначальником
Мужицкой пахотной семьи.

Да и какими там науками,
Не знавший, как букварь листать,
В беседе с городскими внуками
Он мог бы, в сущности, блистать?

И все-таки мы свыклись вскорости
И подружились. Но как раз
От дружбы с дедом, как от хворости,
Тогда оберегали нас.

Он был для всех не то что врагом,
Но им никто не дорожил.
И бывший мельник — нынче вороном
Над судьбами семьи кружил.

А дед глядел тепло и ласково,
Таясь и, видимо, боясь,
Что с ним, в ту пору — чуждым классово,
И мы порвем любую связь.

Но были испытанья горшими,
Когда, прощаясь в ранний час,
Орехи добрыми пригоршнями
Он доставал для внуков — нас.

И все же — рады ли, не рады ли —
Под взглядом сумрачным отца
Мы пятились. Орехи падали,
Стуча по лесенкам крыльца.

...Изба под крышею соломенной,
Где я мальчишкой не играл,
Где дед — с ногой, прикладом сломанной, —
Три дня при немцах умирал.

Гуляет ветер под застрехами.
Орешник — вот, всего в версте!
Пойдешь с братишкой за орехами,
Да все — не те... Да все не те!

СТАРЫЙ ПОСЕЛОК

- У дороги,
    где в ямах ржавеет вода,
Виден старый поселок —
    дома в два ряда.
Ночь бредет из тайги,
    спотыкаясь о пни,
А в поселке
    ее не отгонят огни...

Дрогнет чуткой ноздрей
    растревоженный лось.
Поумерит медведь неумную злость.
Волчья стая, скуля,
    будет рыскать вокруг —
Слишком грозен еще
    человеческий дух,
Слишком крепок еще
    для лесного зверья
Запах, пота,
    солярки,
    железа,
    жилья!

Ночь бредет,
    спотыкаясь у коряжин и пней.
Все темней.

    Но в поселке не видно огней.
Лесорубы оставили эти места —
Здесь работы не стало.

    Их совесть чиста.
А поселок уходит
    в безвестную тьму.
И нисколько не страшно ему.

Он свое отслужил.

Он хозяев
    с работы встречал.

Он младенцев
    в березовых люльках качал.

Слышал песню и ругань,
    слышал хохот и стон,

И на свадьбах —
    стаканов залиvistый звон.

Он в мороз согревал,
    хлеб и отдых давал,

В праздник — двери друзьям
    широко раскрывал.

Он свое отработал.

За таежной грядой
Встанет брат его младший,
    его сын молодой.

Новой песней
    и новым рождением молвы,

Добрым срубом
    в янтарных росинках смолы,

Детским плачем
и окриком строгим отца,
Звоном ведер
у вымытого крыльца,
Перебранками,
шутками молодух —
Вновь рванется
В тайгу
Человеческий дух!

В КОНТОРЕ ВЫДАЮТ ЗАРПЛАТУ

- В час желанной получки
У окошечка в ряд,
Приодевшись получше,
Лесорубы стоят.

На крылечке махоркой
Подымят, помолчат.
За дощатой заборкой
Тихо счета стучат.

Справедливости ради,
Не без важных причин
Самой лучшей бригаде
Уступают почин.

Парни — двадцать от силы.
А подходит черед —
По призыву кассира
Выступают вперед.

За бессонные ночи,
За рабочие дни
Нынче деньги, как почесть,
Принимают они.

Все наряды проверят —
Получать, так сполна!
А поодаль у двери
Ждет кого-то жена,

Кто-то горестно ахнет:
— Все, теперь не уйдешь...
А что деньги не пахнут,
Это — черная ложь!

Кто в лесу не работал,
Лишь тому невдомек,
Что и солнцем и потом
Пахнет летний денек.

Сосны в желтых накрапах,
Пахнут дымом костры.
А на плотбище — запах
Отсыревшей коры.

ЯБЛОКИ

- Хотя в снегах нетронутых
над Камой берега,
запахла вдруг
                                антоновкой
уральская тайга —
да так,
                                что лето новое
лучисто и светло
в рабочие столовые,
как будто в сад,
                                вошло!
- Сердцами
                                гордо властвуя,
храня цвета зари,
здесь
                                яблоки грудастые
лежат, как снегири.
Смеясь,
                                девчата ладные
за несколько минут
дары далекой Латвии
в охотку разберут.
Подсядут
                                парни русые:

Глаши

и Анастасьи.

Их видел в деле
речной простор.

— Ох,

что надели? —

кричит парторг.

— Эх, работа жаркая,
эх, оплата сдельная, —
замочить

не жалко мне

туфельки модельные!

Выводят

бревенки —

с багром,

как с посохом,

в сапожках новеньких
идут,

как посуху,

глядят невинно,

бровь

не прихмуривают.

В сторонке

финны

стоят покуривают.

Толк

знают сами

в любом заломе —

не здесь,

на Каме,

а там,

в Суоми.

Стоят

и сетуют,

покорены:

— Эх, нам бы этаких!

...Самим

нужны!

ДЕВУШКИ ЕДУТ НА ЦЕЛИНУ

- Плакат всюду полощется
над кузовом трехтонки.
Сидят под тем полотнищем
красивые девчонки.

Минуточки расстанные —
зови, зови, дороженька!
Их девичье приданое
не в сундуки уложено.

Работою просватаны,
уралочки сердечные
носить умеют ватники,
как платья подвенечные.

Томясь тоской-кручиною,
недаром
парни рослые
столпились за машиною,
как пережитки прошлого.

— Романтика
романтикой,
а может быть, на деле,

У КОЛОНКИ

- Что ни день у колонки
Снова бабья страда.
Домовито и звонко
Хлещет в ведра вода.

Здесь стоят — не судачат,
Не рядят ни о ком,
Глаз стыдливо не прячут
Под цветастым платком.

Провожает усмешкой
Понимающий взгляд.
Проходи, мол, не мешкай,
Не платил за погляд!

Я и сам понимаю,
Вам ли время терять?
И полы вымыть к Маю.
И белье постирать.

Много разностей разных
Мучит вашу сестру.
Людам праздновать праздник,
Вам стоять на смотрю.

Чтоб в дому — ни соринки,
Чтоб сверкало окно,
Чтобы стало от синьки
Даже небо
    синё!

УРАЛОЧКА

■ Под утро пала изморозь
На улицы села.
Березовая изгородь
От инея бела.

За Камой дымка вьюжится
Прозрачно и легко.
Поблескивают лужицы
Сиреневым ледком.

А по весенней наледи,
Помедлив у ворот,
Нарядная, как на люди,
Уралочка идет.

Высокие ботиночки,
Шагает налегке —
Родная до родиночки
На беленькой щеке.

Со мной почти что рядышком
Вдохнула и прошла
И лишь задела краешком
Сердечного тепла.

Но разве мало этого?
На то и есть она —
С морозными рассветами
Уральская весна!

ЛИВЕНЬ

- О, ливень, лей — хотя бы до ночи,
По листьям, лицам, на авось.
Весна, глаза твои девчоночьи
Меня увидели насквозь.

Ты в небе тучку тянешь волоком —
Как будто нехотя, с ленцой.
И розовеет там, за облаком,
Твое лукавое лицо.

Ты надо мной качаешь веточку.
Ты надо мной хохочешь всласть.
Ах, в блузке в синенькую клеточку,
Скажи, откуда ты взялась?

Но я не удивлен ни капельки!
Ты из заречного села,
Роняя с кос росинки-капельки,
Ко мне по радуге пришла!

У СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЬНИЦ

■ Молчаливо

и чуть растерянно,
словно что-то оставил тут,
я стою

у высокого терема,
где учительницы живут.
Нет ни сада, ни огородика,
ни пуховых перин про запас —
только ласковый смех

да родинка
у застенчивых добрых глаз.
Ходу нет

в это царство девичье
деревенской густой тоске.

То ль по-детски,

то ль по-студенчески
здесь живут себе

налегке,
лишь на жаркие споры жадные,
семь Аленушек —

вроде семьи...

До свидания,

милые жаворонки,
горожаночки вы мои!

Вам спасибо
    за песни до вечера,
за ночные стихи в тишине,
за ночлег,
    до обиды доверчиво
рядом с вами предложенный мне.
И пускай,
    зеленея от зависти,
бабы строгие вас корят,
и что нету у вас
    хозяйственности
сыновьям своим говорят —
здесь вам жить да жить,
    не стареючи,
не сгорать в осенних кострах.
Мимо окон
    Иваны-царевичи
проезжают на тракторах.
И не надо им
    огородика
и приданого в сундуке —
лишь бы ласковый смех
    да родинка
на прильнувшей к груди
    щеке.

В КЛУБЕ СЕГОДНЯ ТАНЦЫ

Я. В. Смелякову

■ Отставлены стулья в сторонку.
И первой, раздвинув подруг,
В дешевеньких клипсах девчонка
Влетает в раздавшийся круг.

И охнул баян в изумленье.
Ожег поселковых ребят.
Одни на нее с восхищеньем,
Другие — с насмешкой глядят.

Она же от множества взоров
Застыла, смутилась на миг
И бросилась в пляску, как в прорубь,
И тоненько вскрикнула: — Й-их!

Повадкой на лебедь походит,
Всей юною статью берет.
То с вызовом грудью поводит
То вдруг озорно подмигнет.

Мол, как же он бросил такую?
Ведь вот она я — на виду.
Ославил? Так я же танцую.
Оставил? Другого найду.

А, насытясь, встанут лесорубы —
Силушка по жилам разлилась!

Про запас ты выпьешь чаю кружку,
Выйдешь —

и мороз не так уж лют...

Нет, не зря веселую девчушку
Сверстники кормилицей зовут.

А она смеется, моет миски.
И на мерзлой до корней земле
К нам приходят

ласковые мысли

О весне, о солнце, о семье.

и магазин
        пред сменой
пустеет в полчаса.
Завмагу
        делать нечего.
Лишь две старушки —
        очередь.
До вечера.
        А вечером
хозяйствуют рабочие!
На все глядят
        уверенно,
вещь выбирая
        добрую.
Берут костюм,
        не меряя,
на ощупь
        книги пробуют.
И девочки фигурные,
по-модному причесаны,
идут сюда
        с культурными
и прочими запросами.
О, продавщицы
        кроткие!
О, благ столпотворение!
Здесь рядышком
        с селедкой
мои
        стихотворения,
здесь ветер
        щели выдует,
на шторках —
        пятна сальные.

Но все-таки
ему, завидуйте
универсальные!

В РАЙОННОЙ ГОСТИНИЦЕ

В гостинице тепло и многолюдно.
Под лампочкой желтеет пыльный свет.
Заночевать сегодня будет трудно:
Который день свободных коек нет.

Проехать дальше ночью и не мысли,
Что разберешь в кромешной мокрой мгле!
Дожди, дожди... Дороги пораскисли,
Колеса вязнут в жидком киселе.

Который день
здесь люди спят вповалку,
Загромоздив пожитками проход.
Молчат, жуют, вступают в перепалку
И ждут погожий солнечный восход.

Резонно судят о лесных порядках,
О заработках и делах иных.
И, притомясь в дороге,
пьют с устатку
Холодный спирт из кружек жестяных.

Под потолком клубится дым махорки.
И взгромоздясь поверх своих вещей,

Здесь женщины
                  мужей ругают горько
И кормят грудью бледных малышей.

А подобрев,
                  жена переселенца,
Еще ворча, копается в мешке
И режет хлеб на белом полотенце,
На вышитом полтавском рушнике.

А утром
                  (что машина будет скоро,
Секретными путями разузнав),
Галдя,
                  обступят женщины шофера
И дергают за кожаный рукав.

ЗА ПЫЛЬЮ ДОРОГ

И. Вольфу,
мастеру лесозаготовок, коммунисту

■ За пылью дорог
на краю земли
стеною —
пермяцкий бор...
Сюда в сорок первом
его привезли
и дали в руки топор.
И не было веры
жалким словам
о том, что не виноват.
В тайге, мол,
скоро увидишь сам:
лес рубят — щепки летят.
Он видел:
идет такая война,
что в тыщах горчайших доль
почти не заметна
и не нужна
его обида и боль.
В Поволжье
на дедовских хуторах
медвяный цветочный дух.
Но прошлое — прах.
И кто тебе враг,

с другими
    в плоты
        легли!
Рабочая доля,
    немалый срок —
пятнадцать весен и зим.
Так где же,
    за пылью каких дорог
ты край
    назовешь
        своим?

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ БАЛЛАДА

- Гремела площадь привокзальная.
И вот
                    уралочка смущенная
На ней возникла,
                    как воззвание,
К хорошим людям обращенное.
Москва нарядная, вечерняя
Ее в огнях своих купала.
Но глаз восторженных
                    свечение
Ничуть огням не уступало.
В предчувствии
                    грядущих молний
Гляделась в этот блеск неоновый,
И видела себя
                    Ермоловой,
А выйдет —
                    даже Ларионовой!
Она б заплакала, не вынесла.
Толпа ее к трамваю вынесла.
- О немота в преддверье конкурса!
О страх экзаменов
                    столетний!

И в этих дебрях,
        вместо компаса,
Московские,
        как плети, сплетни —
Что все ценители и судьи
Живут,
        как пауки в коробочках.
Что бродят возле киностудии
(В мороз!)
        девчонки в лакировочках.
Что даже
        некие красавицы,
Привлечь внимание бессильны,
Страдая,
        чуть ли не бросаются
Под те автобусы Мосфильма.
Что кое с кем
        дружить приходится,
Ну, а ему с тебя —
        приходится:
Средь в институты поступающих
Немало
        так вот
                поступающих.

Опять дома в огнях,
        как в рамочках.
Спешит такси,
        Москвою рыская.
А в нем сидит себе
        уралочка,
Сидит девчоночка российская.
Немножко нервно и запальчиво
Она хохочет-заливается.

Прошедшие
Урала выучку,
Твои подружки общежитские
Уже спешат
к тебе на выручку!
И каждым птичьим стуком сердца
Ты все же с ними,
а не с теми...
Ты молча открываешь дверцу,
Ты прыгаешь
куда-то в темень.

Есть дома-нелюдимы,
Никем не любимы.

Там на песню — запреты.
Там калитки, как щели.
Там читают газеты
Вечерами Кощей.

Упиваются слухами —
Как на льдинку становятся.
Там невесты старухами
В одночасье становятся

И глядятся, немея,
В чьи-то очи холодные.
Только слышно, как змеи
Шипят подколенные.

В этом мертвом затишье
Все надежно упрячут.
То ли дождик по крыше,
То ли — женщина плачет?

ДОБРО

- А понятно ли вам,
что добро —
не в тугих кошельках серебро?
Не добро —
за семью запорами,
за оградами и заборами.
Псы цепные,
        ощерясь зло,
Не добро сторожат,
а зло.
Нынче людям
пришла пора
по-иному желать
добра —
настоящего,
        а не ложного,
в сундуки с нафталином
        уложенного.
— Добрый день! —
я вам говорю
и смеюсь,
        угадав зарю.
Добрый день,
        золотое зернышко,

прорастай,
    подрастай, как солнышко!
Что ж касается
    звезд и месяца,
то они в сундуках
не уместятся.
Звезды
только тогда рождаются,
если в чистых глазах
отражаются.

УЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ

- В домах за палисадами
иль так, на ходу,
на парня поглядывали,
пророчили беду.

Судачили, не верили
счастью в судьбе.
— Ой, Ваня, рубишь дерево,
ох, не по себе!

— Да ровня вы, нешто? —
разили в упор. —
Она-то инженерша,
а ты шофер...

Ах, кумушки-подружки,
подвох в глазах.
— Повез на легковушке
невесту в загс!

Свадьба хмелем сыпется,
целуется, поет.
А улица

на цыпочки,
на цыпочки встает.

Стервой прожженной
Хихикает вслед.
В окне молодоженов
гаснет свет...

По улице мощеной
на майском ветру
женщина с мужчиной
проходят поутру.

А вслед им —
сплетни разные,
как пыль из-под ворот.
— Глаза у Вани красные.
— Наверно, пьет!

— Она-то, вишь, невестится,
да выбьет дурь мужик...

Вы,
сплетники и сплетницы,
типун вам на язык!

Вам
цвет лазорев выполоть,
накаркать им беду —
как в мальчугана выпалить
за яблоко в саду.

А что вам видно,
ябедники,
С позиции такой?

Уже, смотрите, яблоньки
ломают частокол,

и пеной белоснежною
их лепестки дрожат —
кружат над инженершею,
над Ваней
кружат.

ДАЧНАЯ ОСЕНЬ

■ Бабье лето —
вроде балета —
Скользят из тучки лучики,
бледные, как мученики,
земли едва касаются,
ничто их не касается:
ни крашенные волосы,
ни флирт, висящий в воздухе,
ни боевые возгласы
поднаторевших в отдыхе.
Забавно! —
все-таки лето, действительно,
бабье.

Юбочкой вея,
тонная, сонная,
дачная фея,
почти невесомая, —
по дрязгам,
по кочкам,
по пляжным грибочкам,
по занавеске розовой,
по жердочке березовой.
Ох, до чего ж нелепо!
Из грозового лета

чуть слышным передатчиком,
тонюсеньким гудочком —
к весьма довольным дачникам.
К их подневольным дочкам.
К чужим,
    как на покойнике,
цветкам на подоконнике.

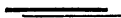

МОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

- Пророк, провидец —
    свысока
не говорит, а изрекает,
слова из чрева извлекает,
как пятаки из кошелька —
надменно так
    и так цветисто,
что — хоть колени преклони!
Его глаза мерцают льдисто,
как две холодных полыньи.
А жалко,
    был хороший парень!
Так чьим же помыслом благим
хороший парень
    нынче спарен
с тем, ослепленным,
    с тем, другим,
кто, морщась от житейских будней,
увы, уже не первый год
божком, судьей, святошей, буддой
под именем его живет?
И ни сегодня,
    и ни завтра
он не поймет свою беду:

идет
походкой динозавра
и — вымирает на ходу.

ЭЛЕГИЯ

- Мой друг, ты умер. Кажется, давно.
А я не верил тем вестям недобрым.
Смеясь, подносят женщины вино
И пьют мужчины над твоим надгробьем.

Кругом черно. Слетелось воронье —
Ханжи, заики, сплетники, весталки.
О, как благонамеренно вранье,
Когда давно поэзия в отставке!

Мне говорят, что это юбилей.
Но, друг мой, друг мой,
    что с тобою случилось
И почему от юности твоей
В тебе самом ни капли не осталось?

А если так, то что же твой успех?
Поправ других победною пятою,
Плясать под чей-то лицемерный смех
Над собственной могильною плитою?

Плясать — чтоб только хлеба раздобыть,
Плясать — уже в охотку, поневоле,

И позабыть любовь. И раздавить
Ее зрочки, кричащие от боли.

Да будет жизнь уделом молодых!
Она растет, растет под снегом, озимь.
Во имя солнца и плодов земных,
Во имя жатвы

        славлю смену весен —
Зеленый трепет доброго зерна,
Ростком, цветком —
        сквозь ложь и суесловье.

Мой мертвый друг!

        Налей-ка мне вина.

Мы вместе выпьем за твое здоровье.

◆

Ты вовсе не такая,
                                слава!
Беги же, прячься поскорей:
на модных теноров —
                                облава
У театральных фонарей.
Певец, любимец, нету сладу!
Трезвончик выдаст за набат
и шустро превращает славу
в вино, в дерьмо, в красивых баб,
и вот уже
                                трубит викторию:
мол, у народа он в чести.
И как в «Асторию»,
                                в историю
ему желательно войти.
Он славу лапает, как хахаль.
Гогочет. Волокет в кусты.
Но что тебе,
                                Микула-пахарь,
до той тщедушной суеты!
Ты смотришь, ратай,
                                в утро раннее,
У ног полощется заря.

В великом противостоянии
есть Человек
и есть Земля —
отцами, дедами завещана,
чтоб семя — сеять,
колос — жать.
Земля,
упрямая, как женщина,
которая должна рожать.
Она лежит
в слезах и в славе,
и как испарина — роса.
И только мы
помочь ей вправе
усильем плуга и резца!

◆

Л. Давыдычеву

И все-таки

мы в смерть родных не верим,
Она для нас пугающе чужда.
И равнодушны к тягостным потерям
Дарованные вечностью года.
Все тот же день.
Все тот же лист осенний,
Слетев с березы,

кружится легко.

И мы живем в счастливом заблужденье,
Что где-то,

очень-очень далеко,

Еще во ржи звенит кузнечик тонко,
Еще траву босые ноги мнут...
А вдалеке

так радостно и звонко

Нас молодые матери зовут!

ОСИНКИ

- Как частый дождичек, росинки
С тревожных листьев оброня,
Лесные золушки, осинки,
Не убегайте от меня.

Я сам, в пыли дорожной пачкаясь
И задыхаясь от обид,
Узнал, что горемычных падчериц
Молва людская не щадит —

За ту возвышенную гордость
В чужом доме чужих невест,
Чья молчаливая покорность
Еще упрямей, чем протест.

О да, вы неприметны очень —
До той судьбы, до той поры,
Когда для вас, осинки, осень
Зажжет прощальные костры.

И больше не боясь огласки,
Всем давним недругам назло
Вы вдруг засветитесь, как в сказке,
Так нестерпимо, так светло,

Что с вами — в пламя, без оглядки,
Хотя б на миг, на малый срок...
Лишь у ручья в лесном распадке
Звенит хрустальный башмачок!

А по ночам

    девчонки не без риска

Парней впускают в ласковые сны.

И ты глядишь совсем по-матерински

На буйное младенчество весны!

ВОСПОМИНАНИЕ

- Нет, она не менялась,
И при встрече любой
Так же дерзко смеялась:
— Я не верю в любовь!

Этой темы касаться —
Как на камень коса.
Но ее святотатство
Потрясло небеса.

Словно смех громовержца,
Лился яростный свет
В потрясенное сердце
Восемнадцати лет.

А весна полыхала,
Куда ни ступи.
А подружка вздыхала:
— Ты смотри, не сглупи!

Боль и радость земная —
Все смешалось в одно...
Ничего я не знаю!
Это было давно.

Скрип тяжелых уключин
На речной синеве.
И серебряный ключик,
Чуть приметный в траве.

Ах, куда мы на лодочке?
Там, в кустах за рекой,
Две стыдливые звездочки
Я прикрою рукой.

Был я слишком обыден,
Очень просто судя...
Как тебя я обидел!
А быть может — себя.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

Это — главное зло, что красивая ты.
Никому не тепло от твоей красоты.
Не любя, не скорбя от обид и остуд,
Ты проносишь себя, как хрустальный сосуд.
Тонко льдинки звенят посредине зимы.
Каждый ласковый взгляд — под проценты,
взаймы.
Никому — не жена, никому — не сестра,
Ни во тьму — окрыленность костра.

И вот — ни счастья, ни беды,
Ни доброты, ни зла.
Глаза горды, меха седы
И шапочка бела.
...В жару, в бреду — глотком воды
Когда-то мне была.

Как мы любили? Слепо.
Опомнясь от испуга,
Воскресшими из склепа
Глядели друг на друга.

◆

Я становлюсь беднее с каждым днем
И, как бедняк,
        я от всего зависим:
От колоса, примятого дождем,
От голоса,
        от глаз твоих и писем.
Да, я с тобой
        счастливей был стократ,
Ты жизнь легко и просто понимала:
Чуть небо хмурилось —
        ты насылала град,
А ветер дул —
        ты бурю поднимала.

В наш век чернить поэзию не смейте,
Она во всем пред будущим чиста.
Она с людьми — в бесславье и в бессмертье,
И в этом цель ее и правота.
И если счастье в будущих восходах
Пока — мечта, а не прямой устав,
Поэзия, как мать в тяжелых родах,
Сквозь зубы стонет, руки разметав.
Она не ждет, что к ней придут с повинной.
Все губы искусав до синевы,
Она сама обрежет пуповину
В тот самый миг,
    когда родитесь вы!

СОДЕРЖАНИЕ

О молодости	3
Под звездами	4
В утренней электричке	6
От нас уходят старшие	8
«Для сына я — сильнее всех на свете...»	10
Идол	11
Трактористка	14
Орехи	16
Старый поселок	18
В конторе выдают зарплату	21
Яблоки	23
Приехали финны	25
Девушки едут на целину	28
У колонки	30
Уралочка	32
Ливень	34
У сельских учительниц	35
В клубе сегодня танцы	37
В лес пришла столовая	39
Поселковый магазин	41
В районной гостинице	44
За пылью дорог	46
«Идет весна-распутица...»	49
Провинциальная баллада	50
«Есть дома — нелюдимы...»	54
Добро	55
Уличная история	57
Дачная осень	60
Модный писатель	62
Элегия	64
«Ты вовсе не такая, слава...»	66
«И все-таки мы в смерть родных не верим...»	68
Осинки	69
Апрель	71
Воспоминание	73
Из лирического дневника	75
«Я становлюсь беднее с каждым днем...»	77
«В наш век чернить поэзию не смейте...»	78

Владимир Ильич
Радкевич

ПОД ЗВЕЗДАМИ
Лирика

Редактор С. М. Гинц. Художник-редактор В. В. Вагин. Технический редактор Т. В. Дольская. Корректор Э. К. Актищева.

Подписано к печати 9.XII. 1964 г.
Формат 70×92¹/₃₂. Печ. л. 2,5, бум.
1,25 л. (усл.-прив. 2,925 л.) уч.-изд.
2,3 л.

ЛБ02598 Тираж 10 000 экз.
Цена 22 коп.

Книжная типография № 2
управления по печати
г. Пермь, Коммунистическая, 57.
Зак. 1205.

И. Е. И. И. 22к.

